

- Поединок! Поединок!

Мимо почти пронеслась ватага из незнакомых мальчишек. Один из них, белобрысый с перебитым на бок носом, на секунду задержался, уже даже за камнем нагнулся, но Мих прорычал ему в спину.

- Лучше не надо, паря.

- Митька, да брось ты, не видишь орчук. Руки о такого только марать.

Белобрысый трусливо обернулся и умчался прочь. Много их таких бегают, всем полукровка как бельмо на глазу, каждый и норовит поддеть, унижить или просто осмеяться. Нечто мало жизнь Муха била-кручинила? Орчук поднялся на ноги, отряхнул широкие, но короткие штаны, поковырял мостовую босым пальцем и покрутил головой.

Солнца за тучами не видно, те аж будто над крышами висят, но чутьем своим звериным, не несколько детских лет родичами-кочевниками выпестованным, знал орчук, что время к закату близится. Что то значит? Не будет больше сегодня работы. Не станет кричать половой его по мелкому поручению, не прикажет купец товар какой к дому снести, не попросит кузнец лошадь для перековки поддержать. Поест, значитца, надо, да спать идти.

Мих отер пот с широкого крепкого лба. Ох, духота-то какая, разродиться бы небу дождем, а то мочи никакой нет. Пучится тучами, пучится весь день, да толку никакого. Ему-то еще ладно, привыкший он к жаре, а вот барыню одну давеча сморило. Прямо тут несчастная душа упала, кабы не орчук, голову расшибла. Милая такая, сахарная, кожа белая, Мих сроду даже рядом с такими не стоял. А она даже «благодарствую» и к сопровождающему вспорхнула. Эх, как бы человеком был, так бы и приударил.

Орчук оглядел взглядом пустеющую улицу. Гордо высились кирпичные молчаливые дома, пропахшие с парадных духами да одеколонами всякими, а с черного входа смердящие нечистотами и помоями, что прислуга прямо на ступени льет. Лениво переругивался биржевой извозчик с обычным вандькой, вставшим по ошибке на его месте, но понимал Мих, не дойдет до драки, слишком уж жарко, чтобы кулаками махать. Возвращались со службы в пыльных штиблетах и мундирах не по размеру канцеляристы низших чинов, для которых обращение «Ваше благородие» и то за счастье. Действительно, пора.

Купил Мих два калача огромных за четыре копейки. Еда хоть и черствая, залежалая, однако питательная. Да и любил орчук все самое простое, как папенька его говаривал, «незамысловатое». Репу тушеную, кисель гороховый, рассольник, щи разномастные, даже из «людской» говядины, грибы в сметане запеченные, пироги. Бывало в дни жирные, прибыльные или особенно удачливые, угощали его яствами наниматели, то ли из жалости, то ли забавы ради. Всем интересно поглядеть, как чудовище такое будет белорыбицу тушеную али артишоки фаршированные кушать. Не знали, что орчук не только этикетам разностным обучен, но даже грамоте мало-мальской. Все же папенька был человеком, и всю жизнь старался из него, Михаила Бурдюкова, человека сделать, царство ему небесное.

А может и вправду махнуть к Острожевскому тупику, поединок посмотреть? Время раннее, идти недалече, хоть какое-то разнообразие в жизни. Конечно, сошлись по обыкновению студенты меж собой, покричат, пошумят, шпагами помашут, ранятся немного, да домой разойдутся. И то забава.

Чуть не пролетел три улицы, шагами огромными мостовую меряя. Камень разгорячился за день, мимолетно ступать на него приятно, даже щекотно, а вот подолгу не удержишься,

обожжешься. Слава Богу, в Острожевском тупике хоть и светло, но все же прохладнее. С трех сторон окружен он высокими, в три этажа, домами, с четвертой, что на Верхноколоменскую выходит, солнце лишь под вечер, как сейчас, зыркает.

Осмотрел Мих, ох, Божья Мать-Заступница, люду-то разного сюда набилось, как ворья на ярмарку: рабочих десятков несколько, крестьян, что в город на заработки приехали, ребяташек прорва, шмыгают туда сюда, купцов восемь человек, пришли, не побрезговали, стоят особой кучкой, служивых тоже набилось. Но самое главное, у самих зачинщиков трое высокородных, таких по лицу и взгляду отличить нетрудно.

- Плошка, хоть сюды, - увидел знакомую чумазую физиономию орчук.

- Чего тебе, Мих? - Хоть бока руками подпер, но все же подошел малец.

Махонький совсем, осмолеток, Гришки-пропойцы сынок четвертый. Всю жизнь орчук удивлялся таким людям - живут, чем Бог на день им подаст, а семьи большие. Дети в рванье, вечно голодные, однако из большинства люди настоящие вырастают. Если выживут, конечно.

Отломил половину от оставшегося второго калача и протянул мальцу. Тот не погнушался черствого хлеба, откусил.

- Плошка, а чего там намечается?

- Нешто не видишь, поединок.

- Оно и козе понятно, что не масленичные гуляния. Ты мне скажи, людей отчего так много? Да высокородные как сюда прибились?

- Так биться будут высокородные оба, вот у них энти, как их самое, сенкунданты, вот.

- Нечто? - Удивился орчук.

- И это, ты место получше займи. Сейчас народу еще боле набежит. Поединок непростой, до Погощения.

- Быть не может.

- Вот те и не может. Мих, побег я, а? - Умоляюще посмотрел Плошка, гадая промеж себя, сполна он рассказал за кусок калача или нет.

- Ну беги, - махнул ему орчук.

А сам начал продвигаться вперед, орудуя здоровенными руками. Зеваки недовольно оборачивались, некоторые даже словом бранным задевали, но заметив круглое недоброе лицо (а Мих даже в самом благодушном расположении выглядел устрашающе, орчья кровь она и есть орчья кровь), отступали в сторону. Так и вышел к первым рядам. А тут уж и рассмотреть дуэлянтов можно было.

Ближе к Миху стоял рослый красавец с пышными усами в служебном вицмундире. Орчук удивленно рассматривал однобортный полуфрак василькового цвета, застегнутый на желтые пуговицы с гербом, стоячий красный воротник из сукна и такого же цвета обшлага. Высокий полицейский чин, не иначе. Под рукой незнакомец держал суконную фуражку и перчатки, из великолепно выделанной кожи. Мих окрестил его «Ваш высокоблагородие». Возле красавца

стояли трое секундантов, тоже из аристократов, по всей видимости, пришедшие с ним.

Спиной к первому стоял рослый человек в хоть и хорошо чищенном, но ношенном и бедном гражданском мундире. Плечи покаты, но скорее не из-за худобы, а плохой одежды, в петлицах три звездочки маленькие. Мих наморщился, вспоминая науку отца, стало быть, секретарь коллежский. Странно все это. Если Прошка не соврал и бой до Поглощения, стало быть, оба магией должны обладать. А это что значит? Оба из Высших семей, другие в их Славии волшебством не владеют. Так почему же который спиной к нему, всего десятого чину, даже не дворянского?

Обошел тихонько Мих по кругу, дабы получше того разглядеть. Тоже гош собой. Как с картинки писан: нос длинный, глаза большие, даже бабьи что ли, рот сжат, отчего лицо все серьезное, но благолепное. Вот только бледен уж сильно и лоб в испарине... Понятно дело, коли уж до Поглощения заругались, обратного тут давать нельзя.

А народу все прибывало. Горланили мастеровые, закатывали глаза в отдалении несколько институток, даже господа во фраках сюда прибились. Не иначе с театра возвращались, али еще из мест каких, куда простой челяди входу нет.

Меж тем один из аристократов, что рядом с полицейским чином рядом стоял, подошел к «благолепному», поинтересовался о готовности. Секретарь коллежский хоть и побледнел пуще прежнего, все же кивнул, вытащил шпагу из ножен, и подошел к «высокоблагородию».

- Клянусь своими предками, - зычно начал рослый красавец.

- Клянусь своими предками, - вторил ему человек в потертом мундире, нагоняя словами противника.

- Что добровольно вступаю в схватку, что будет идти до полного Поглощения моих магических способностей, - теперь говорили вместе, будто репетировали прежде, - слово истинно и обратной силы не имеет. Ибо так сказал...

- Дашков Михаил Николаевич, - закончил полицейский чин.

- Меркулов Витольд Львович, - сказал и замолчал «благолепный».

Народ, вокруг собравшийся, ахнул. Из груди дуэлянтов, точно сердце выскочившее, свет появился. Мих глазами хлопал на диво дивное, впервые в жизни виденное, даже рот открыл. А свет (не тот, что от свечки церковной бывает, а скорее ежели на солнце долго смотреть, то потом перед глазом рябит) разошелся по двум сторонам, да обратно груди противников коснулся. Вот оно что, вроде они обещание друг другу дали, которое магия нарушить не даст.

Теперь и секунданты даже отошли, руками зевакам машут, бранятся, на дуэлянтов показывая, мол, отойдите, от греха. Мих оглобли свои выставил, да сделал шаг назад. Многих захватил, под ним толпа заворчала, застонала, однако ж послушалась. И с другого края, волнения увидели, тоже отступили.

А господа ходить вокруг стали, шпаги вперед выставили, изучают друг друга. Полицейский чин махнул разок, другой, но и «благолепный», что Витольдом назвался, хотя и бедный, все же мастерству поединка обученный, оба раза клинок от себя отвел. Ясно дело, что бой тяжкий будет. Ладно на деньги, или другую глупость наживную, так на самое дорогое, что в жизни есть - на магию дерутся.

Для аристократа магии лишиться, как крестьянину руки по локоть отрезать. Бесполезным существом будет, как мышь в крынке с молоком утонувшая. Слыхивал от отца Мих, хотя редко он о магии рассказывал, что «пустехи», то бишь, люди, магии лишившиеся, все одно плохо кончают – стреляются или в петлю лезут. Оно и понятно, это как, если бы было у тебя сегодня все есть, а завтра бери суму, да иди побирайся. Только Поглощение пережить в разы труднее, оно ж все-таки магия. Тяжело к ней привыкают, а отпускает она еще мучительнее.

«Высокоблагородие» перестал ходить вокруг да около, коршуном взвился, да пошел клевать противника. Тычет его шпагой то сверху, то снизу, иной раз с боков зайдет. А Витольд (имя какое презабавное, Мих такого слыхом раньше не слыхивал) в самый последний момент, то поднырнет, то шаг в сторону делает, но каждый выпад в сторону отводит. Как только успевает?

Тогда-то чудо и произошло. Полицейский шпагу занес, однако ж бить не стал. Постоял недвижно, чуток всего, и стал исчезать. Сначала пальцы со шпагой пропали, будто ветром легкий дымок сдуло, потом голова погулять ушла, одно тулово осталось. Народ заохал, кто-то из баб, что послабже духом, закричал, а Мих только подобрался, жутко ему интересно стало. Следом и все остальное тело истерлося, был человек и нету его вовсе. На секундантов поглядел, стоят, ухмыляются. Ага, значит, не раз такое видали.

Витольд головой крутит, озирается, пот с него уже градом льет, противника ищет. Потом сам затих, стоит, вроде слушает. И тут раз, руку вздернул вверх, и как по нутру сталь о сталь звякнула, отбил удар рубящий. А следом как пошел шпагой махать, да ладно бы без делу, так снова отбивается от «высокоблагородия» невидимого. Сам отступает к стене дома, но не сдается. У Миха даже симпатии в его сторону возникать начали. Смотри, сам низкого чину, магия у него – то ли есть, то ли нет ее – а все же бьется, капитулировать (это тоже слово от отца орчуку в наследство доставшееся) не собирается. А потом, первый раз все время ногу вперед выставил, наклонился чуток, да шпагу вытянул.

Как то произошло Мих сам не понял, да только в момент один кончилось все. Стоит Витольд, мокрый, как мышь, а на его клинке «высокоблагородие» наколот. Аккурат из середины спины шпага торчит. Орчук по глупости своей за вицмундир сначала переживать начал, это ж, сколько рублей на него потрачено. Починить, оно конечно, можно, но все же видно будет, как искусно не выправят.

А когда «полицейский чин» оседать начал, тогда уразумел Мих, что ранен он самым серьезным образом, может даже смертельно. Секунданты тут же подбежали к нему, оттащили в сторону, один за врачом побежал. Но ничего, орчук присмотрелся, жив «Высокоблагородие», даже глаза открыл. Взгляд у него одновременно удивленный и испуганный.

Тут же снова чудо. Словно дух от поверженного пошел, как у человека, что исходит, только прямо плывет, по направлению к Витольду, победу одержавшему. А тот стоит и впитывает, впитывает. Вот оно, значит, что есть Поглощение!

Острожевский тупик затих, будто и не было тут никого. Стоят мастеровые, крестьяне, рабочие, купцы, институтки, студенты, чиновники, аристократы и молчат, боясь слово сказать. Магия она штука особая, не дай Боже мимоходом тебя заденет.

Благолепному совсем похудело. Как слепой стал, руку вперед выставил, опору ищет, да все не найдет. Так и пошел на ногах шатающихся, дороги не разбирая, прямо к толпе. Кто закричал, кто отпрянул, только Мих растерялся. А Витольд совсем плохой уже, еле-еле до орчука дошел да и упал. Кабы не поймал его Мих, так чего доброго и голову расшиб бедолага.

– Вставайте, Ваш благородие, – пробасил Мих. А тот и не думает отвечать. Висит кулем, сознание потерявши.

Так и стоят. Орчук думает, положить его на землю, вроде как оскорбление. С другой стороны, держать его, пока в себя не придет? Так дел будто у Муха других нет, чем до ишачьей пасхи тут куковать.

Сомнения его разрешил один из господ, от «высокоблагородия» отделившийся. Подошел к орчуку, пальцем за собой махнул, три слова только сказав.

– За мной иди.

И Мих послушался, куда ему против дворянского слова. Поднял на плечо тело бессознательное, схватил поудобнее и пошел за секундantom. Вышли из Острожевского тупика на Верхнеколоменскую, улицу хоть и неширокую, но оживленную. Махнул аристократ рукой, и подъехала к ним открытая пролетка. Не иначе, как одна из тех, на какой их «высокоблагородия» приехали, ибо дальше еще такая же стояла. К тому же, не заплатил дворянин извозчику, а лишь наказал вести «этого» и «господина Меркулова» в Малышевский переулок, дом десять.

– А ты, морда зеленая, смотри, чтоб доставил господина Меркулова в цельности и сохранности. Не приведи Господь, что случится с ним, я весь Моршан переверну, но твою шкуру крокодильную из-под земли достану. – И уже размягшись, ибо видел полную покорность и податливость орчука, добавил. – Вот держи, отдашь его домоуправительнице, – сунул он в лапищу пятиалтынный, – у которой он комнаты снимает. Пусть приглядит за ним сегодня, возможно, худо ему будет. Ну чего стоишь, черт, трогай!

Извозчик хлестнул лошадь и та, почувствовавшая за собой троих, один из которых был наполовину орк, а значит, тяжелее людского тела, с трудом побежала по мостовой.

Ехал Мих по Моршану, ветер лицо щекотал, узенькие улочки менялись на широкие проспекты, а думы были невеселые. Влип в историю за грош ломанный, как бы худо теперь не вышло. Вот «господину Меркулову» хорошо, лежит себе, забывшись, на коленях у орчука, а ему размышляй как выпутаться. Еще и пятиалтынный этот проклятый руку жег.

Сначала вовсе хотел просто свалить тело под дверь, стукнуть пару раз и убежать. Да еще больше пужался. А если извозчик остановится и будет глядеть? Или пушай уедет, а кто из окна посмотрит, закричит, дескать, убил орк прохожего, да тикает! Зеленокожих не так много в Моршане, большинство в Захожей слободе, Муха найдут в два счета. Тем паче, скрыться ему трудно, чай не блоха на собаке, со всех сторон приметный и видный. Вот, едут они сейчас, а всякий прохожий оглядывается, иные пальцем показывают. Оно и понятно, сказали бы ему снести господина пешком, так квартала не прошел, городского крикнули. Еще бы, орк человека тащит (и то, что он наполовину зеленокожий большинству не интересно).

А так, на пролетке, так еще и извозчик не кричит: «Грабят! Убивают!», значит что? Распорядился кто. Те орки, что в Моршане живут у купцов, али на заводах, существа православные, смирные. Ежели при человеке, груз какой за ним тащат, значит ничего, пушай живут. В другом случае, когда один ходит, да глазами по сторонам зыркает – такого прибьют, а только потом разбираться станут, что и как.

Солнце уже за горизонтом половину своего масляного бока спрятало, решивши, что будет моршанцев мучить. Ночной свежести, что до костей пробирает, не наблюдалось, но духотный воздух уступил место слабой прохладе. Мих вдохнул полной грудью и решил, будь что будет, а

дворянский наказ выполнит. Тут и извозчик вожжи натянул, крикнул: «Ну стой же, кормилица», высокие колеса вращаться перестали и пролетка замерла, вперед накренившись.

– Малышевский переулок, – заключил возчик.

Мих и сам видел. Доходные дома, коих здесь преобладало в избытке, склонились над орчуком, как кот над попавшей на берег рыбехой. Высокие, пятиэтажные, уходящие далеко вглубь, уютившие в своих бесконечных коридорах рабочих, мастеровых и чиновников средней руки, являлись здесь единственной достопримечательностью. Ну разве еще церковь Симеона Исповедника, что в квартале западнее, в которую Мих, как человек православный, хаживал.

Вот что в истинном, славийском православии орчуку нравилось, так это терпимость и смирение. Всякий мог в храм прийти: и гоблин, и аховмедец, и диковинный народ айта (последних, конечно, Мих воочию не видел, но много чего презабавного слышал). Каждый «преподобие» тебя выслушает, мудростию поделится, денег не возьмет. На то и святые люди...

С тяжелым сердцем Мих пролетку проводил и направился к самому худому из всех здешних зданий. Остальные высились гигантами, а тот, что с номером «10» (грамоте покойный отец, земля ему пухом, орчука выучил, хоть и тяжело пришлось науку в большую зеленую башку вдальблывать), сгорбился покатою крышей, того и гляди посыплется, глазенки-окна на Малышевский переулок стыдливо опустил, да дверь рассохшуюся чуть приоткрыл. Мол, заходи, мил человек, не взыщи.

Орчук в парадной оказался, нос брезгливо поморщил от кислого запаха щей, да стоит, не знает куда себя деть. Дом оказался совсем неказистым – внутри еще меньше, чем снаружи.

– Пансионат, – презрительно бросил Мих.

Что сие слово значило, он не помнил. Вычитал из какой-то папенькиной книги, когда тот жив еще был. Орчук любил изредка удивлять людей подобными заковычками, коих у него за пазухой было в достатке. Однако сейчас было не время и не место. Пора и с его благородием что-то решать.

Мих подошел к ближайшей двери, за которой по его разумению и должна была скрываться хозяйка, да тихонько постучал по ней. Впрочем, как заметил орчук давно для себя, мебель и прочую безделицу деревянную стали делать в последнее время дрянную, ибо несчастная, чуть не слетела с петель.

– Ах вы окаянные! – раздался скрипучий голос.

Дверь отворилась, обнажив в утробе проема небесное создание лет семидесяти в белом чепчике, и тут же попыталась закрыться. Но с Михом такие номера не проходили. Он выставил ногу и вежливо, насколько ему показалось, поинтересовался.

– Благородие куда снести?

Только теперь старушка разглядела, что куль на руках у орчука и не куль вовсе, а ее давний знакомец, снимавший квартиру на самом верху, мужчина обходительный и вежливый. Хозяйка испуганно ойкнула, но дверь закрыть по-прежнему мешала нога зеленокожего незнакомца.

– Приказано его благородие до дому снести. Скажете куда положить, я и пойду, – напирал Мих.

Хозяйка, за минувшую минуту перебравшая в голове все виды смерти, которые могут с ней

произойти, мучительные в особенности, пребывала в состоянии тихой истерики. Но и незнакомец отступать не намеревался. Напротив, в своей требовательности он становился все сердитее.

- Живет где благородие? - Рыкнул он.

Справедливости ради, Мих все еще пытался вести себя учтиво, но в глазах одинокой пожилой женщины уже плескалось такое море отчаяние, что появившись здесь сам Государь Император, то на хозяйку это не произвело бы ровно никакого впечатления. Однако короткий вопрос все же возымел действие.

- Наверху. Последняя комната справа.

Зеленая босая ножища наконец убралась с порога и дверь, с удивительной для старушки прытью, захлопнулась. Огромная туша с бездыханным, а скорее всего уже и убиенным Витольдом Львовичем, направилась наверх, натужно скрипя ступенями.

Мих поднялся на третий этаж, и наученный советом доброй женщины, направился к нужной двери. Шарить по карманам благородия орчук не стал, воспитание не позволило, он лишь тяжело надавил на дверь, и замок, бывший совсем плохеньким, податливо скрипнул и полетел вместе с щепой от косяка на пол.

«Квартиры», о которых обмолвился дворянин, представляли собой две комнатки. Первая, ее Мих окрестил приемной, имела стол в середине, заваленный книгами и картами, старый продавленный диван и два гнутых стула. Вторая, совсем темная, вследствие чего орчук ударился коленом о нечто твердое, была спальней с пружинистой панцирной кроватью. Туда Витольда орчук и свалил. Походил вокруг, нашел и запалил лучину и вернулся к забывшемуся аристократу.

Орчук потрогал лоб и поцокал языком. Его благородие охватил лихорадочный жар. Бедняга все время намеревался куда-то устремиться, дергал ногами и руками, пришлось Миху попридержать его. Когда высокородный немного успокоился, орчук осмотрел комнаты тщательнее и обнаружил пузатый чайник с изогнутым носом. Оторвал от своей рубахи кусок холстины, промокнул его и положил на горячий лоб Витольду Львовичу. Приподнял голову и в довершении всего напоил несчастного водой. После этого его благородие забылся окончательно, изредка беспокоимый короткой и внезапной судорогой, что проходила так же быстро, как и проявлялась.

Пока Мих суетился, в дверь, что была прикрыта, постучали. Звук вышел негромкий, но очень уверенный. Не ТУК-ТУК, как костяшками пальцев обычно обозначаются соседи, а тук-тук-тук, говоривший о самом серьезном намерении пришедшего.

- Не заперто, - сам орчук вышел в переднюю, подняв руки и прижавшись к стене.

Предчувствие его не обмануло. В дверях стоял околоточный надзиратель с городовым. В руках, низенький даже по сравнению с обычными людьми, чиновник держал самый настоящий револьвер. У его помощника тоже кобура была, однако гулял там один лишь ветер. Про то каждый мальчишка знал, что низшим полицейским чинам вроде как и положено огнестрельное оружие, но возможностей всех снарядить пока у власти не было. Так и ходили с одними шашками.

Миху повезло, околоточный оказался хоть и сердитым стариком, но все же с разумением. Пистолета с зеленого здоровяка он не свел, но рассказ о дуэли выслушал. Более того, сам в

спальню прошел, пощупал пульс и послушал дыхание его благородия. Орчук все это время перед городовым стоял ни жив, ни мертв. А как иначе, эти обучены враз шашку из ножен доставать, почти все из отставных солдат и унтер-офицеров. Дуру включи, да дернись, тут тебе конец и придет.

Как раз, когда самый страх пошел, Миху в голову мысли опять глупые полезли. Вот убьет его сейчас городовой, как есть мундир испачкает. Аж жалко. Черный, ладно пригнанный, не иначе на заказ сшитый. Вон у него какой рост – почти три аршина, выше самого орчука.

– А это не ты ли часом Терентия, присяжного поверенного сын? – Вернулся околоточный.

– Истинно так, Ваше благородие, – отозвался Мих.

– Хороший был человек. Значит, звать тебя Михайло. Слышал я о тебе, слышал, да не думал, что встречу. Вы же с отцом где-то на Старых Вешках жили?

– Да, у папеньки там контора была. Сейчас я на Никольской обитаю.

– Эх, тебя занесло, – крикнул околоточный. – А я Артьемий Кузьмич. Твой отец в свое время моего брата... Ну да ладно, – он собрался, справившись с нахлынувшими чувствами, и продолжил с некоторой суровостью. – Раз уж взялся за его благородием смотреть, остаешься с ним. Утром я зайду справиться. Это ж надо чего учинить, дуэль до Поглощения?! Скандал будет, скандал.

– Но я...

– И не спорь, Михайло, не спорь. Только в память об отце тебя в участок не забрал. Замечательный был человек, тебя вот вырастил.

Околоточный не слушая возражения, махнул городовому и уже из парадной крикнул.

– Зайду утром!

Мих уселся на стул и сложил могучие руки на скатерть. Что ж, действительно, как говаривал его отец: «утро вечера мудреннее».